Е.В. Старинкова, Санкт-Петербург

ПУШКИН И ВОПРОСЫ ГЕРАЛЬДИКИ. ПЕЧАТКИ ПУШКИНЫХ В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

(см. илл. на 8-й стр. цв. вкладки)

«Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил…»
(А.С. Пушкин. «Моя родословная»)

В XVIII веке, когда зарождался интерес к изучению русских печатей и гербов, появились первые исследования на эту тему. В библиотеке А.С. Пушкина, хранящейся в ИРЛИ РАН, имеются основные источники того времени - несколько томов «Древней Российской Вивлиотики», выпущенных Н.И. Новиковым, и «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Эти издания рубежа XVIII-XIX веков, положившие начало изучению печатей и гербов, давали Пушкину представления об этой науке. «Родословная книга Князей и Дворян Российских и выезжих», изданная, как обозначено в заглавии, «по самовернейшим спискам» в Университетской типографии у Н.И. Новикова в 1787 году, стала основой геральдики. Она содержала в себе и роспись Пушкиных. В библиотеке поэта имеется и это издание.

В первой половине XIX века было напечатано 10 томов «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», составление которого было начато еще в конце XVIII века. Четыре части были опубликованы до 1803 года, они есть (кроме третьей) в сохранившейся библиотеке поэта. Герб Пушкиных находится в V части, которая вышла в 1836 году. Этот том в библиотеке поэта отсутствует, но можно не сомневаться, что и он был приобретен Пушкиным, но по каким-то причинам не был передан в ИРЛИ.

В своем литературном творчестве Пушкин редко рассуждал о значимости дворянства и важности герба, но в публицистике он смело высказывал свое мнение о дворянстве. Статья Пушкина «Отрывок из литературных летописей», написанная в Москве в марте 1829 года и появившаяся в печати в сокращенном варианте только в 1830 году, отражает отношение Пушкина к литературным спорам. По его мнению, они допускаются, если в основе истинный критерий творчества – мастерство и честное отношение к делу. Критика допустима, если в качестве оружия не упоминается, по словам Пушкина, «ни о его (автора – Е.С.) службе ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души». Выступая на стороне Полевого в его полемике с Каченовским, Пушкин отмечает: «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый про-

фессор, честный аудитор или странствующий купец равны перед законом критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины».[1]

Замечание П.А. Вяземского в его статье «Письмо в Париж», опубликованное в журнале «Московский телеграф» в 1825 году, дает возможность услышать интонации и тон полемики того времени. Звучало оно так: «Еще отличительная черта этих союзных походов на Телеграф есть то, что сии Крестовые рыцари упрекают Издателя в том, что он купеческого сословия. Да кто-же, спросите вы, сии феодальные Бароны, повитые на пергамене и вскормленные на щите, которые не иначе хвалят книгу, как удостоверившись, что она писана дворянскою рукою? Умора! ... Чего ожидать от писателей, которые в литературных прениях употребляют подобныя орудия личности и не стыдятся в 19-м веке обнаруживать такие мнения? Но как и не пожалеешь о состоянии текущей Литературы, которая вертится на подобных пружинах!»[2]

Под этими словами мог подписаться Пушкин, которого, как и Вяземского, волновало состояние литературной критики и литературы в целом. Через пять лет после выхода «Письма в Париж» Вяземского в статье «Опровержение на критики», написанной осенью 1830 года в Болдино, Пушкин дает обзор критических отзывов о своих произведениях за весь период собственной литературной деятельности. Здесь же, вступившись за собратьев по перу, Полевого и Дельвига, Пушкин обвиняет Булгарина, смеявшегося над купеческим происхождением Полевого и ставшего во главе нападавших на участников «Литературной газеты» как на «литературных аристократов»: «Г.<оспода> чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов. Осмелюсь спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, г.<оспода> чин.<вные>; журн.<алисты> с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах.»[3]

Стихотворение «Моя родословная» явилось продолжением споров с Булгариным. В объяснительном письме Бенкендорфу 24 ноября 1831 года Пушкин писал: «Признаюсь, что мне дороги так называемые предрассудки; я дорожу тем, что я дворянин не хуже кого бы то ни было, хотя это не дает мне никакой выгоды; наконец я дорожу именем предков, потому что их имя – единственное наследство, мной от них полученное».[4]

---

[1] Пушкин. П.С.С. Издательство АН. Т. 11. С. 169.
[2] Вяземский П.А. «Письмо в Париж». «Московский телеграф». 1825. № 22. С.178-179.
[3] Пушкин. П.С.С. Издательство АН. 1949. Т. 11. С. 151-152.
[4] Пушкин. Письма. AKADEMIA. 1935. Т. III. С. 56. (репринт 1989 г.).

С не меньшей убежденностью Пушкин отстаивал свои взгляды и в частных спорах. Об этом свидетельствуют его дневники. Так, в 1834 году появилась запись: «Вчера (17) (декабря – Е.С.) вечер у S.-Разговор с Нордингом [5] о р.<усском> дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши весьма новы. Оттого в гербе кн.<язей> Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов."[6] Тут же другая запись: "22 декабря, суббота. – В среду был у Хитр<овой> - имел долгий разговор с в.<еликим> кн.<язем> (Михаилом Павловичем (1798-1849)- Е.С.). ... разговорились о дворянстве. В.<еликий> кн.<язь.> был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers etat [7], сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле г<осударя>, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством. Что касается до tiers etat , что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства?"[8]

Рассуждения о гербе в письме К.Ф. Рылееву свидетельствуют о глубоких знаниях Пушкина по истории вопроса. Во второй половине мая 1825 года поэт писал другу из Михайловского: «Ты напрасно не поправил в Олеге Герба России. Древний Герб, С. Георгий не мог находиться на щите Язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть Герб Византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на вратах на показание победы».[9] Об этой ошибке Рылеева в думе «Олег Вещий», напечатанной в «Новостях Литературы» в 1822 году, Пушкин еще раньше говорил автору и писал брату в январе 1823 года из Кишинева.

В своем творчестве поэт использовал знания в области геральдики и истории в целом. Зная о том, какой силой обладали перстни и, тем более, гербовые печати, в повести «Анджело» Пушкин точно использует этот момент:

Замыслив новую затею, Дук представил
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановил…[10]

---

[5] Нордин Густав (1799-1867) – секретарь и поверенный в делах шведсконорвежского посольства в Петербурге в 1830-х годах.

[6] Пушкин. П.С.С. Издательство АН. 1949.

Автобиография, воспоминания, дневники Т.12. С. 334.

[7] tiers etat – третье сословие (фр.).

[8] Пушкин. П.С.С. Издательство АН. 1949.Автобиография, воспоминания, дневники Т.12. С. 334-335.

[9] Пушкин. Письма. Государственное издательство. 1926 (Репринт 1989). Т. I. С. 133.

[10] Пушкин. П.С.С. Издательство АН. 1949.Т. IV. С. 271.

Самым стойким символом, сохранившимся со времен учреждения в 1722 году Петром I геральдической конторы, оставалась гербовая печать. Не раз Пушкин запечатывал свои письма просто каплей сургуча, видимо, не имея под рукой какой-либо печатки или облатки. Неоднократно использовал он и эти мучные или бумажные на клею кружочки голубого, красного, белого, розового, желтого, коричневого, черного и зеленого цвета. Содержание писем не имело значения. Облатки употреблялись и для дружеских посланий и для деловых писем, но, так или иначе, адресаты этих посланий, запечатанных облатками – люди хорошо знакомые. Тем не менее, печать и ее оттиск являлись основными знаками и в культуре переписки пушкинского времени. В мемуарах представителей XVIII века имеются свидетельства об отношении к родовому гербу. Одна из таких представительниц - Е.П. Янькова, правнучка историка В.Н. Татищева, в воспоминаниях, записанных ее внуком Д. Благово, о нравах начала XIX века рассуждала: «…А экипажи какие? Что у купца, то и у князя, и у дворянина: ни герба, ни коронки. Кто-то на днях сказывал, видишь, что гербы стыдно выставлять напоказ: а то куда же их прикажете девать, в сундуках, что ли, держать или на чердаке с хламом? На то и герб, чтоб смотреть на него, а не прятать – не краденый, от дедушек достался. Я имею два герба: свой да мужнин, и ступай, тащись в карете, выкрашенной одним цветом, как какая-нибудь Протопятова, да статочное ли это дело? Или печатай письмо печатью с незабудкой или, того хуже облаткой, а не гербовой печатью? Как бы не так!»[11]

Изображение гербов для истинных дворян всегда являлось предметом особой гордости. Герб рода красовался на фасадах домов, на экипажах. Их размещали на фамильных склепах:

В домовой церкви, где кругом
Почиют мощи хладным сном
С короной, княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница.
(«Бахчисарайский фонтан»)

Гербы украшали фамильное серебро и золотые изделия. В фондах ВМП с 1982 года хранятся золотые карманные часы английской фирмы «Нортон» конца XVIII века. Часы принадлежали Л.А. Пушкину, после смерти которого его старший сын, Василий Львович, получил их в наследство. На откидной крышке часов он заказал гравировку герба рода Пушкиных, но выполнена она была после внесения рода Пушкиных в 1800-х годах в Общий гербовник дворянских родов. Гравировка на крышке часов полностью соответствует изображению и описанию герба рода Пушкиных: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхнем горностаевом поле на пурпуровой подушке с золотыми кистями положена Княжеская шапка. В нижней части в правом поле изображена в серебряных латах правая рука с мечом, вверх поднятым; в левом золотом поле голубой Орел с распростертыми

[11] «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д.Благово». Ленинград: «Наука», 1989. С. 115.

крыльями, имеющий в когтях Меч и державу голубого ж цвета».[12]

В 1830 году после смерти Василия Львовича, не имевшего законных наследников, часы перешли младшему племяннику – Льву Сергеевичу Пушкину.[13] Другая семейная реликвия, самая дорогая по понятиям рода, перешла, как и положено, старшему племяннику – Александру Сергеевичу Пушкину. Это гербовая печать с ручкой из слоновой кости. На прямоугольной со скругленными краями стальной печатающей части щит с атрибутами рода Пушкиных, над которым изображена графская корона – обруч со вставленными в него девятью жемчужинами. Сейчас эта печатка хранится в Рукописном отделе ИРЛИ. Она была подарена в 1989 году Лилиан Алефельд, вдовой коллекционера Лифаря, в добавление к письмам Пушкина, приобретенным через аукцион. Эти реликвии могли оказаться в России еще раньше. Лифарь предлагал подарить их взамен постановки балета на сцене Большого театра в Москве, но советское правительство отказало ему, лишив нас в то время права обладания пушкинскими реликвиями.

В исследованиях, посвященных эпистолярному жанру, уделяется внимание прежде всего смысловому, стилистическому насыщению писем. Внешняя сторона не менее важна. В книгах о правилах светской жизни и этикета вопросу переписки отведены специальные главы. Наряду с рекомендациями по форме писем, обращений и подписей, даются советы «о печати писем» или о том, как следует запечатывать свою корреспонденцию.

В издании 1889 года «Правила светской жизни и этикета…» разъяснялось: «Приличие требует запечатывать письма не иначе, как красным сюргучем. Разного рода пестрые бумажки, облатки, фантастические сюргучи и т.п. приличны только дамам».[14] Составители этого сборника рекомендаций хорошего тона господа Юрьев и Владимирский принимали в конце XIX века уже сложившееся к тому времени сословное смешение. В начале того же века отношение к истории своего рода было более почтительным, не говоря уже о представителях века ушедшего, восемнадцатого, отношение которых к фамильным символам было неколебимым.

Оттиски печатей с вырезанными на них надписями, вензелями или гербами, до XVIII века делали на воске, белом или желтом, черном или темно-коричневом. Эти цвета могли быть употребляемы всеми, от великого князя до митрополита. Особое значение имел воск красного цвета, им печатали официальные грамоты. Сургучные печати (черные и красные) появились в конце XVII и вошли в общее употребление с XVIII века.

Оттиски на сургуче, в качестве средства скрепления письма с целью сохранения конфиденциальности, являются более надежными. Их невозможно восстановить на прежнее место, если письмо вскрыто. В мае-июне 1834 года

---

[12] «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». 1836. Ч. V.

[13] В. Константинович, внучка Л.С. Пушкина, передала эти часы А.А. Полякову, дочь которого в 1982 продала реликвию семьи Пушкиных ВМП.

[14] Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. Состав. Юрьев и Владимирский. С.-Петербург. 1889. С. 273.

Пушкин не мог не заметить бесцеремонного вторжения в его личную переписку с женой. Он не раз предупреждал и Наталью Николаевну быть менее откровенной в письмах, и, оправдываясь в своей сдержанности, писал: «Мысль, что мои (письма – Е.С.) распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и так далее – охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен».[15]

Оттиск печати является знаком адресату, который, еще не вскрыв письма, может определить отправителя. Обратный адрес на конвертах не указывали, и поэтому оттиск служил своеобразным адресом автора послания. Вспомним свидетельство О.С. Павлищевой, сестры Пушкина, о том, как трепетал поэт при получении писем Е.К. Воронцовой, запечатанной печаткой с такими же знаками как на его перстне-талисмане.

Этот вид печатей был самым древним. Перстни-печатки играли важную роль в жизни их обладателей. Носивший печатку располагал определенной властью или исполнял определенную должность. Из Библии известно, что символом власти царя Соломона был перстень с печаткой.

По древнегреческим мифам обычай носить перстень ведет свое начало от Прометея. Как известно, прикованный к скале Зевсом Прометей был освобожден им же с помощью Геракла. Но кольцо, как знак зависимости от воли богов, осталось у Прометея.

Руку знатного человека испокон веков украшали перстни, свидетельствуя не только о богатстве этого человека, но, прежде всего, о положении его в обществе. Изготовлялись перстни-печатки, как правило, в единственном экземпляре. Руководствуясь, так называемым, законом Солона ни один резчик не мог позволить оставить у себя даже оттиски с вырезанных им камей или печаток и тем более повторить рисунок печатки для другого владельца. Перстень являлся удостоверением личности, оттиском перстня-печатки под каким-либо документом подтверждалась воля хозяина.

В XI веке персы не считали за человека того, у кого не было перстня, и если письмо вельможи было без печати, то считалось, что это от слабого разума и нечистых помыслов. Сокровищница каждого уважающего себя человека должна была иметь печать, в противном случае он рисковал заработать репутацию небрежного и неосторожного хозяина. «Для умного печать, для глупого – замок», - так звучит русская поговорка. Опечатывались не только сундуки с богатствами, двери дома, но даже кувшины с маслом, вином и благовониями, иногда и гробницы.

Традиция скреплять печатями корреспонденцию и важные документы сохранилась и в последующие века. Для поколения XIX века, по словам М.И. Пыляева, «печати эти alter ego каждого джентльмена, служащие вместо подписей, сохраняются в маленьких, шелковых мешочках, которые носятся на груди и прячутся даже от членов собственной семьи.

Эти печатки сделаны из искусно вышлифованных камней, обделанных в золото, и часто представляют собой весьма ценную древность».[16]

---

[15] Пушкин. Сочинения. Изд. АН СССР. 1948. Т. 15. С.170. (Письмо 30 июня 1834 г.).

[16] М.И. Пыляев. Драгоценные камни и их свойства, местонахождения и употребление. 1990 (репринт издания 1888 г.). С. 21.

Среди первых печатей, встречающихся на письмах А.С. Пушкина, был перстень, на вставке которого, скорее всего сердоликовой, был вырезан сосуд, напоминавший античный светильник. Оттиск этого перстня-печатки на письме от 27 октября 1819 года из Петербурга к члену кружка «Зеленая Лампа» П.Б. Мансурову. Письмо хранится в рукописном отделе РНБ. Пушкин писал его, находясь у Н.В. Всеволожского, и начинается оно так: «Насилу упросил я Всеволожского, чтобы он позволил мне написать тебе несколько строк, любезный Мансуров, чудо-Черкес!»[17]

Н. Лернер в своей статье дал подробное описание данного письма и оттиска этой печатки: «По обычаю тогдашнего безконвертного времени оно было аккуратно сложено, что видно по сгибам бумаги; на обороте написано имя адресата, а на противоположных краях, которые были скреплены сургучной печатью, почти целиком сохранились обе половинки оттиска. Красивый и довольно ясный оттиск маленькой печатки изображает сосуд, вроде античного светильника, незажженного, с высокой ручкой, изображающей не то змею, не то длинную птичью шею с головой. Это единственный известный оттиск этой печати в пушкинской переписке; на других письма Пушкина его нет. Судя по величине печатки, она должна была украшать собою перстень. Неизвестно, было ли когда-нибудь у Пушкина кольцо с такой печатью».[18] Б.Л. Модзалевский в комментариях к изданию писем Пушкина отмечал, что изображение светильника «напоминает о тех кольцах, которые, по свидетельству Я.Н. Толстого, носили члены «Зеленая Лампа».[19] Возможно, что данное письмо запечатано кольцом Н. Всеволожского, но старший сын поэта А.А. Пушкин утверждал, что у отца была и такая печатка, но он утерял ее во время своего пребывания в Кишиневе.

По письмам Пушкина, хранящимся в рукописном архиве ИРЛИ,[20] можно определить лишь несколько печаток, которыми пользовался поэт. Не все оттиски на письмах сохраняются: при получении адресат, убедившись в неприкосновенности корреспонденции и определив для себя по оттиску автора полученного послания, не всегда заботится о сохранности сургучного следа. Сохранившиеся оттиски печаток Пушкина могут нам рассказать о времени появления их у поэта, о том какая из них была любимой и о тех, которые не дошли до нас и, возможно, хранятся в каком-либо частном собрании, но даже о душевном состоянии поэта в момент написания послания. Ярким тому примером служит письмо, адресованное А.И. Тургеневу. Оно написано 7 мая 1821 года из Кишинева: «…как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге… вдали камина Кн. Голициной замерзнешь и под небом Италии».[21] Через два дня Пушкин запишет в сво-

---

[17] Пушкин. Письма. Государственное издательство. 1926. (репринт 1989) Т. I. С. 8.

[18] Н. Лернер. Заметки о Пушкине. «Русская старина». 1909. № 4. С. 198-199.

[19] Пушкин. Письма... Т. I. С. 196.

[20] Среди писем А.С. Пушкина, хранящихся в РГАЛИ, нет писем с оттисками каких-либо печаток.

[21] Пушкин. Письма... С. 18.

ем дневнике: «Вот уже ровно год, как оставил я Петербург». Совсем скоро он уедет в Одессу, где ему исполнится 22 года. Тоска по столице, удаленность от друзей выражены не только словами письма, но и надписью на печатке, которой Пушкин запечатал свое послание. Возможно, эту печать Пушкин купил в Кишиневе, именно потому, что начертанное на ней как нельзя лучше передавало душевное состояние поэта. На овальной печатке на сетчатом поле по гладкому пояску одно слово: «Solus», что означает один, одинокий, покинутый. Оттиск этой несохранившейся печатки, скорее всего перстня, на письмах поэта больше не встречается.

В этот же период южной ссылки Пушкин пользуется еще одной печаткой – гербовой, оттиск которой будет много раз повторятся: впервые - на письме Н.И. Гнедичу от 27 сентября 1822 года из Кишинева и на одном из последних писем, дошедших до нас, вернее, на пакете к А.О. Ишимовой от 27 января 1837 года.

Местонахождение этой печатки неизвестно, так что судить о ней можно только по оттискам на письмах Пушкина. На печатающей части овальной формы (2,4*2,1см) в центре щит, по форме напоминающий больше германский, а не французский, каким утвержден он в V части Общего гербовника.

Форма германского щита для герба Пушкиных считается более правильной, так как основатель рода Радша – знатной словенской фамилии по показанию родословных был «то из немец, то из Семирадской земли, то, наконец, из земель Словянских». А.Б. Лакиер, опубликовавший в 1855 году свое исследование «Русская геральдика»[22], определил род Пушкиных, как «потомство мужа честна, именем Радша», в число родов выехавших из Пруссии.

На оттиске печатки, о которой мы говорим, не прочитывается фон полей, но расположение фигур соответствует описанию в Общем гербовнике: Княжеская шапка, Рука с мечом и Орел. Над щитом вместо шлема корона, украшенная одиннадцатью жемчужинами. Вокруг щита виньетка, на которой слева (по оттиску) виден цветочек, а справа – веточки. Можно предположить, что именно эта печатка – одна из первых фамильных реликвий, полученных Пушкиным. Ею он запечатывал свои письма вне зависимости от адресата и содержания письма. Оттиски других гербовых печатей, даже из тех которые дошли до нас и хранятся в ВМП, на сохранившихся письмах поэта не встречаются.

Почти так же часто Пушкин пользовался так называемым перстнем-талисманом. Оттиск его появляется впервые на письме А.А. Дельвигу в начале июня 1825 года из Михайловского. (Это то самое письмо, где содержится оценка поэтического дара Державина и сравнение его с Ломоносовым.) Письмо дружеского характера и, несмотря на то, что адресовано оно в Публичную библиотеку, запечатано этим перстнем – подарком Е.К. Воронцовой, оттого имевшим для Пушкина особый смысл.

---

[22] А.Б. Лакиер. «Русская геральдика». М: «Книга», 1990. С. 305.

С перстнем-талисманом связывают несколько стихотворений поэта. Но на черновике стихотворения «Талисман» появляется оттиск еще одной печатки, которая впоследствии больше не встречается в бумагах А.С. Пушкина. На обороте автографа с подписью «6 ноября 1827 г» пять капель красного сургуча с оттисками круглых печаток (диам-1,3см). На каждой свое аллегорическое изображение и девиз на французском языке: 1) треугольник с отвесом – «toujours droit» (всегда прав); 2) букет - «to…ou» (неразб.); 3) стрела - «a mon but» (к моей цели); 4) пламя - «vive et pure» (живое пламя); 5) бабочка с цветком - «j'attends» (жди). Чья это печатка и почему она появилась именно под этим стихотворением – вопросы, требующие отдельного исследования.

Оттиск еще одной печатки, судьба которой неизвестна, один раз встречается на сохранившемся письме Пушкина к Н.Н. Гончаровой, еще невесте, из Плотавы[23] от 1-2 декабря 1830 года. На овальной печатающей части в тонком линейном ободке вензель с инициалами «АР» под графской короной.

Единственный оттиск из известных нам печатей, которыми пользовался поэт – оттиск украденного перстня с надписью на древнем еврейском языке. Все другие, хранящиеся в фондах ВМП печатки Пушкиных, не соответствуют оттискам на имеющихся в архиве ИРЛИ письмах А.С. Пушкина.

Массивная печатка А.С. Пушкина из тульской стали с воронением на печатающей части в овале имеет надпись «А.С.ПУШКИНЪ». В 1925 году печатка была найдена на складе случайных вещей и передана в Пушкинский Дом (по другим сведениям печатка поступила в 1927 году из Оружейной палаты). В сохранившейся переписке поэта оттиск этой печати не встречается.

Еще одна печать с гербом Пушкиных - хрустальная, во Всесоюзный музей А.С. Пушкина поступила в 1956 году от А.Г. Якшиной. На овальной печатающей части под сенью в виде листьев французский щит, увенчанный латами под короной с жемчужинами и перьями. На щите все атрибуты герба Пушкиных. Печатка имеет значительный скол на печатающей части. Ручка граненая округлой формы и выбор камня был не случайным. Известно, что шары из горного хрусталя и сейчас в ходу у магов, которые используют их как средство концентрации мыслей. К сожалению, в инвентарной книге ВМП не указано кем была дарительница печатки и кому именно принадлежала эта реликвия.

Другая, бронзовая с золочением печать, по-видимому, чаще всего использовалась. На это указывает прежде всего сохранность вещи: золочение значительно потерто, множественные щербины и отломанная ручка, под которой вращались три плоскости этой печати. На одной из овальных плоскостей надпись «ОТ ПУШКИНА», на другой – вензель «АР» под графской короной, на третьей – герб Пушкиных, под которым сабля, увитая лентой со знаками орденов и медалей. Эта деталь гербовой печати не учитывалась ранее. Но именно она подсказала прежнего владельца печатки.

---

[23] Плотава – деревня в Богородском уезде Московской губернии, на границе Владимирской губернии, в 72 верстах от Москвы, на Нижегородском тракте.

Небольшие броши или рамки с миниатюрными крестиками и медалями на сабельке, иногда с надписью «за храбрость», вошли в моду в 1-ой половине XIX века. Их не только носили на груди, они стали появляться на рисованных гербах и вышитых бисером или нитками. Изображения полученных владельцем орденов и медалей украшали и гербовые печати.

Существует порядок расположения знаков отличий такого рода. Ордена и медали размещают слева направо в порядке из получения. На печатающей части печаток дается зеркальное изображение. На бронзовой печатке, о которой идет речь, справа налево на ленту, обвивающую саблю подвешены: знаки орденов: 1) Св. Георгия, 2) Св. Владимира с мечами, 3) Св. Анны 3-й степени. Два последних знака – медали: 4) за отечественную войну 1812 года и 5) определить не удалось.

Медаль 1812 года помогла определить владельца этой печатки. Инициалы «АР» на другой печатающей части подтвердили предположение. Единственный родственник А.С. Пушкина был награжден этой медалью – Александр Юрьевич Пушкин (1777(79)-1854) , двоюродный брат матери поэта, соответственно приходился ему двоюродным дядей. Он был родоначальником костромской ветви рода Пушкиных. Из сухопутного кадетского шляхетского корпуса в Петербурге он был выпущен прапорщиком в Астраханский гренадерский полк, стоявший в Москве. В составе этого полка он вышел в знаменитый Итальянский поход под командованием А.С. Суворова. Именно тогда от Н.О. Пушкиной он узнал о рождении племянника и о том, что сам Александр Юрьевич будет заочно его восприемником, а имя мальчику дали в его честь. Осенью того же 1799 года А.Ю. Пушкин выйдет в отставку. После шестилетнего перерыва будет определен на службу на Московский почтамт, затем год отслужит в экспедиции казенных винокуренных заводов Тамбовской губернии. Выйдя в отставку, с октября 1809 года, А.Ю. Пушкин живет в костромском имении своей жены – Новинки. В нескольких имениях и деревнях костромской губернии Пушкину принадлежало более 280 душ мужского пола.[24] По решению костромских властей было определено брать в ополчение крепостных крестьян с имений свыше 16 душ. Неизвестно какое количество душ было у А.Ю. Пушкина на 1812 год, но можно предположить, что число его крепостных, назначенных в ополчение, было немалым. Возможно, за этот вклад Александр Юрьевич был удостоен не боевой, а дворянской медали 1812 года, с которой он изображен на портретах, хранящихся во Всероссийском музее А.С. Пушкина[25].

После смерти племянника А.Ю. Пушкин не раз избирался совестным судьей Костромы. В 1847 году за службу в Министерстве юстиции он был награжден орденом Св. Анны III степени, который фигурирует на его портрете[26] и печатке, о которой идет речь. Этот факт дает возможность утвер-

---

[24] Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома. 1993. С.224.

[25] Преданья русского семейства. Портреты. Реликвии. Документы. Издательство «ЭГО». Санкт-Петербург. С. 58. (КП – 14866).

[26] Там же. С. 59. (КП – 14672).

ждать, что печатка принадлежит именно А.Ю. Пушкину и, кроме того, появилась она у дяди поэта не ранее 1847 года. Возможно, не случайно Александр Юрьевич, родившийся в XVIII веке, выбрал форму печатки, характерную еще для того времени. До конца жизни в течение 7 лет он пользовался этой печатью. К сожалению, никто из его троих детей (сыновья – Николай, Лев и дочь Мария) не имели инициалов «АР», как на одной из сторон печатки. Старший сын Николай умрет в сорокалетнем возрасте, за год до смерти отца. Младший – Лев унаследует семейные реликвии Пушкиных. Сам он имел восьмерых детей, из которых 5 сыновей и 3 дочери. Старший сын носил имя деда – Александр, но он покончил жизнь самоубийством и все реликвии перешли к следующему по старшинству брату – Василию Львовичу. В 1910 году член костромской губернской ученой архивной комиссии И.Д. Преображенский посетил В.Л. Пушкина с целью осмотреть реликвии его рода. В доме В.Л. Пушкина еще находились тогда среди других документов и вещи рода Пушкиных: серебряная табакерка с портретом императрицы Екатерины II, по преданию жалованная Юрию Алексеевичу Пушкину, масонская лопаточка и два масонских знака, которые, по словам В.Л. Пушкина, принадлежали его деду, а другой – А.С. Пушкину. Среди вещей, указанных Преображенским, нет гербовой печатки Пушкиных, возможно потому, что Василий Львович пользовался ею (за исключением одной стороны с вензелем «АР», не совпадающим с его инициалами).

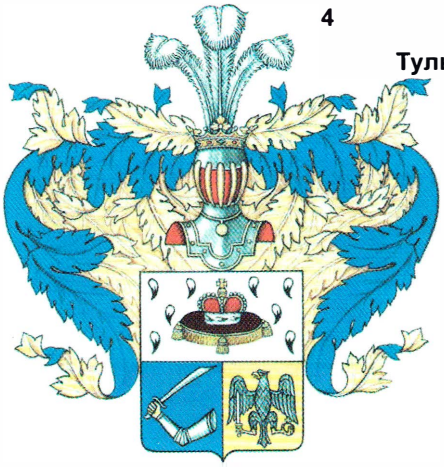
Дальнейшая судьба этих реликвий печальна. Сын Василия Львовича – Александр, жил в Ленинграде и весь архив после смерти отца хранился у него, как у старшего в роде. В самом начале 1941 года он ушел на фронт, а семья выехала в эвакуацию, оставив квартиру со всеми вещами без присмотра. Вернувшись, обнаружили, что пропали все вещи, в том числе и эти семейные реликвии. Возможно, печатка, о которой идет речь, оказалась среди этих вещей. Через несколько лет эта печать оказалась в ПД, куда была передана А.М. Хомченко, нашедшей печатку среди вещей помещичьего дома в деревне Смыки (?) Великолукского района Псковской области. Чей это дом и где деревня пока не ясно. Во Всероссийский музей А.С. Пушкина эта реликвия перешла в 1953 году. Прошло полвека и секрет владельца этой бронзовой печатки раскрыт.

Каждая вещь имеет историю бытования и порой хранит свои тайны долгие десятилетия. Безмолвие меморий только на первый взгляд кажется безнадежным. Спустя столетия сохранившиеся реликвии открывают свои тайны, позволяя исследователям дополнить биографии владельцев этих вещей новыми деталями.

Елена Валентиновна СТАРИНКОВА, ведущий научный сотрудник Всероссийского музея А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

ПУШКИН И ВОПРОСЫ ГЕРАЛЬДИКИ. ПЕЧАТКИ ПУШКИНЫХ В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

(см. стр. 131)



1. Печатка А.С. Пушкина.
1-я треть XIX века.
Тульская сталь, воронение, латунь.
Высота 9,5 см.

2. Печатка А.Ю. Пушкина.
После 1847 года.
Бронза, золочение.
3*1,7*2,4.

3. Печатка А.С. Пушкина.
1-я треть XIX века.
Хрусталь.
6,5*5,3*2,9.

4. Герб Рода Пушкиных.
Общий Гербовник V, 18.
Художник Р.И. Маланичев.